

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ДУХОВЕНСТВО
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ
НА БЛИЖНЕМ
И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ
В ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

Б. Х. Кармышева

О МУСУЛЬМАНСКОМ ДУХОВЕНСТВЕ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ БУХАРСКОГО ХАНСТВА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Специальных исследований по данному вопросу нет, а имеющихся в литературе ценных сведений недостаточно для его всестороннего рассмотрения. Задача настоящего сообщения — введение в научный оборот этнографических данных, собранных автором в 1945—1983 гг. путем расспросов (причем не специально, а попутно с основными темами) среди полукочевых в прошлом узбеков.

Обязанности, происхождение и доходы духовенства не были одинаковыми. Следовательно, его положение в разных слоях общества (в частности, среди горожан и сельских жителей, бедных и богатых) и в различной этнокультурной среде (оседлого населения древних культурных оазисов, земледельцев-горцев, полукочевников-степняков) не было одинаковым.

Мусульманское духовенство среднеазиатского Междуречья исследователи делят на следующие основные категории: а) причт мечети (имам и муэzzин, чаще называемый азанчи или суфи); б) лица, связанные с шариатским судопроизводством (кази, аглам, муфти); в) учителя низшей конфессиональной школы (домулла, мактабдор); г) преподаватели высшей конфессиональной школы (мударрис); д) руководители суфийских орденов и общин (ишан, пир); е) хранители мазаров (шейх, ших) ¹. У оседлого населения, в крупных кишлаках, могли быть представлены все перечисленные категории (кроме служителей шариатского суда, функционировавшего лишь в административных центрах). В небольших кишлаках духовенство состояло всего лишь из причта приходской мечети, часто сочетавшего свои непосредственные обязанности с обучением детей в мактабе. Позволим себе привести здесь ту объективную характеристику положения имамов приходских мечетей в конце XIX в. в среде оседлого населения, которая дана такими знатоками местного быта, как В. П. Наливкин, В. Л. Вяткин и др.: «Нередко русские приписывают имамам большую долю значения в народе и влияния на массу. Это происходит от заблуждения, основанного на поверхностном знакомстве с действитель-

ным положением дела, и предположения, что имам по своим правам и обязанностям есть то же самое, что православный священник. Между тем все сходство имама и священника ограничивается единственно внешнею связью их с местами богослужения. Вследствие отсутствия у мусульман рукоположенного духовенства имамом может быть без всякого посвящения или другого обряда каждый юридически правоспособный мусульманин, знакомый с предстоящими ему крайне несложными обязанностями, заключающимися в руководительстве молящимися во время ежедневных пятикратных намазов, состоящих из ряда молитв и внешних знаков, исполняемых вслед за имамом всеми остальными.

В городах, где в каждом приходе имеется несколько, иногда довольно много, людей, более ученых и книжных, чем имамы, последние не могут иметь заметного авторитета и влияния на своих прихожан. В лучшем случае они играют здесь довольно бесцветную роль. Крайне ограниченное содержание имамов, получаемое ими по раскладке с прихожан, а иногда из дохода с вакуфа, чаще же из обоих источников вместе, и незначительность скудно оплачиваемых треб обыкновенно привлекают на эти места людей бедных или старых, для которых труд имама посилен и легок. Впрочем, редко имам ограничивается своей плохо оплачиваемой должностью. Часто он вместе с тем состоит и учителем детей прихожан, от чего тоже имеет некоторый доход. Если же имам почему-либо не учитель, то он всегда имеет какое-нибудь занятие, торгует мелочью и пр. Вообще, довольно часто должность имама является приватной.

Кроме недостатка авторитетности, в городах, где много лиц, могущих занять места имамов, последние находятся в материальной зависимости от своих прихожан, чаще от двух-трех влиятельных в приходе лиц, и стараются по возможности ладить и угождать им.

Таким образом, неважное общественное положение имамов в городах, материальная зависимость их от прихожан, присутствие в приходе нескольких влиятельных лиц, более почтенных и ученых, более знакомых с тонкостями мусульманской казуистики <...> все это вместе взятое низводит влияние имамов на прихожан на незначительную степень, во всяком случае не большую той, какую имеют вообще грамотные люди.

Другое дело, когда вопрос касается кишлачных имамов, которые чуть ли не всегда являются самыми грамотными и начитанными людьми среди своей темной паствы.

Эта паства доверяет своему имаму и домулле безусловно. Она не имеет возможности сколько-нибудь критически отнестись к поступкам и словам имама, да и не допускает такого отношения, потому что слова и действия свои, по их мнению, он не сам выдумал, а вычитал из книг, книги же провозглашают только одну истину. Далее, по части совершения разного рода треб он редко имеет конкурента по названной причи-

не<...> Вообще, находясь в постоянном общении со своей паствой, кишлячный имам по необходимости не может ограничивать свою деятельность узкими рамками своей должности и поставлен в очень благоприятные условия, чтобы так или иначе влиять на народ, но опять-таки не как имам, а главным образом как грамотный человек. Насколько нам известно, кишлячные имамы в большинстве народ, стоящий не много выше толпы по своему развитию и пониманию окружающего. Потребности и интересы их не шире, чем у остальной массы. Своим исключительным положением они пользуются лишь для материальных приобретений»².

Однако общественное положение имама среди полукучевых или относительно недавно осевших групп узбекского населения было отнюдь не выше, чем в городе, что объяснялось особенностями их быта и хозяйственной деятельности: для них был характерен мелкокишлячный тип расселения, а частично и форма так называемых распыленных усадеб, поэтому мечеть была далеко не в каждом селении. Обычно несколько мелких кишляков или групп разбросанных усадеб, объединенных водопользованием из одного канала, ручья или колодца и принадлежностью к одной семейно-родственной группе, составляли один приход. Среди тех групп, которые жили в кишляках только зимой, а в остальное время находились на кочевье, причт был представлен всего одним человеком — имамом. Объяснялось это тем, что если мечеть и была на зимовке данной группы, то она действовала только зимой, а в остальное время ее функции в какой-то мере выполняла гостевая юрта бая, в которой ютился и имам. Ежедневные пятикратные намазы совершались здесь при участии бая, его домохозяев-мужчин и гостей, а нередко и без них — только самим имамом. Основная же масса крестьян находилась при отарах, на бахчах и пашне.

Примерно та же картина наблюдалась и у оседлого населения: мечеть посещали в основном в холодное время года, ибо на весь сезон поспевания урожая и его уборки крестьяне переселялись в свои летние усадьбы, находившиеся вне кишляка.

Узбеки-полукучевники, подобно казахам и киргизам, в большинстве своем, слабо владея мусульманскими обрядами и установлениями, не отличались набожностью³. Это отметил еще Н. В. Ханыков во время своего путешествия по Бухарскому ханству в 1841—1842 гг.: «Мне никогда, однако, не удавалось видеть, чтобы узбеки читали намаз у себя в аулах, и сие последнее, насколько мне известно, делают они только тогда, когда приезжают в город»⁴.

Не только полукучевники, но и жители оседлых поселений нерегулярно совершали намаз и даже порой не умели это делать, не знали молитв, что неоднократно отмечали дореволюционные авторы⁵. Подтверждают это и мои этнографические материалы. Например, в 1966 г. в Кобадияне, в кишляке Саят, 74-летний крестьянин-таджик рассказывал мне, что не все муж-

чины в кишляках (не говоря о женщинах) знали намаз. «Даже состарившись, когда человек все чаще думает о смерти и воздаянии на том свете, — говорил он, — они так и не могли выучить нужные молитвы и умирали, ни разу не совершив намаза должным образом». Мечеть ежедневно посещали в основном старики, а остальные — по пятницам или даже только по годовым праздникам. Многие, не зная молитв, лишь подражали позам имама или нескольких стоявших впереди состоятельных крестьян, обучавшихся в свое время в мактабе, изредка и в медресе. Временами в кишляки (даже в отдаленные узбекские кочевья) наезжал раис — должностное лицо, наблюдавшее за выполнением религиозных обрядов. При участии приходского имама он устраивал публичную проверку умения крестьян совершать намаз. Но, как говорил мне узбек-кунграт Нияз бобо Паянов (род. 1887), житель кишляка Тамчи (на склонах Бабатага), «это мало помогало, так как основной целью поездок раиса было получение положенных ему денег — по две тенги с каждого двора».

Обучение молодежи самым необходимым молитвам, обязательным при совершении намаза, а также этикету происходило обычно в мехманхане одного из жителей селения (мехманхану имели лишь зажиточные) или в общественной мехманхане при мечети, где в свободное от полевых работ время собирались крестьяне, чтобы коротать длинные осенние и зимние вечера. Мехманхана при мечети представляла собой небольшую комнату и называлась худжра (келья). Она одновременно служила и школой, а если имам был пришлым, то и жильем для него. У оседлого населения, особенно у горных таджиков, общественная мехманхана при мечети была издавна. У полукочевого населения мечети в виде стационарных построек, как и кельи при них, стали широко распространяться в последней четверти XIX в. в связи с активизацией процесса оседания. Такая мечеть обычно возникала на зимовке, на последней стадии превращения ее в поселение постоянного типа. В таких поселениях стационарными сначала были лишь хозяйственные постройки (помещения для скота, хранения урожая, самана, топлива), а жильем продолжала служить юрта. Одной из первых стационарных построек, предназначенных для людей, становилась мечеть, а затем наиболее состоятельные обзаводились мехманханой. Инициатором основания мечети выступал обычно бай, который на свои средства приглашал мастера-плотника, а строительство осуществлялось силами крестьян⁶. Тот, кто почему-либо не мог сам принять участие в строительстве мечети, нанимал поденщика.

Возведение мечети было связано с необходимостью основания кладбища при поселении, ставшем уже стационарным. Дело в том, что у кочевых и полукочевых узбеков было в обычае хоронить своих покойников на кладбище при той или иной святыне — мазаре, расположенном в относительной близости от

их зимовок (при зимовках у них могли быть лишь небольшие кладбища, где хоронили малолетних). Например, турки-барласы Гиссарской долины хоронили своих умерших родичей на кладбище при мазаре Ходжа-Нахширон⁷, расположенном у северного подножия Бабатага; узбеки-кунграты левобережья Сурхандарьи — при мазаре Ак-астана⁸ или же у мазара Хазрати-Бобо на нагорье Бабатага; узбеки-найманы Придаргомской степи (Среднезеравшанская долина) — у Шахи-Зинда в Самарканде; казахи Кылкума (от Сырдарьи до Тамды) — в Нурата и т. д. Покойника, завернув в войлок и погрузив на коня или верблюда, везли порой многие десятки, а то и сотни километров⁹.

Что касается вопроса относительно связи возведения мечети с необходимостью основания кладбища, у меня записано интересное предание, которое я услышала от археолога Очила Ибрагимова — жителя кишлака Сазаган, расположенного в предгорьях хребта Каратепе, на юго-запад от Самарканда (где живут потомки узбеков-найманов). Оно гласит, что с окончанием межплеменных усобиц и упрочением центральной власти при Мангытах узбеки Зеравшанской долины стали более прочно оседать, начали строить мечети в кишлаках, и тогда возникли кладбища. Свою первую мечеть и кладбище сазаганцы связывают с именем Шахмурада (1785—1800) — бухарского эмира мангытской династии. Он якобы приехал в Сазаган навестить своего одноклассника по медресе, сазаганца. Во время угощения, устроенного сазаганцем в его честь, Шахмурад, сидя в окружении видных людей кишлака, будто бы сказал, обращаясь к собравшимся: «До каких пор вы будете возить своих покойников в Шахи-Зинда, заставляя их протухать. Среди вас есть образованный человек. Постройте у себя мечеть и хороните своих покойников на своем кладбище». Так возникла первая мечеть в Сазагане и появился первый имам. После смерти первого имама могилу его стали почитать, и вокруг возникло кладбище.

По статистическим данным 1871—1872 гг., в Зеравшанском округе (города Самарканд, Ургут, Каттакурган с их округами) мечеть и школа имелись почти во всех селениях, включая кишлаки недавно перешедших на оседлость узбеков, продолжавших, однако, в большинстве своем жить в юртах и достаточно разбросанно. Так, в Ангарском тумане, где преобладало такое население, на 79 кишлаков приходилось 76 мечетей и 57 школ; одна мечеть в среднем обслуживала 45,2 двора, а одну школу посещало примерно десять учеников. В соседнем Ургутском тумане, где преобладало оседлое население, на 138 населенных пунктов (включая кварталы самого города Ургута) было 139 мечетей и 121 школа; одна мечеть обслуживала в среднем 41,7 двора, а на одну школу приходилось около девяти учеников¹⁰.

Имамов, получивших, подобно сазаганскому, достаточное

богословское образование в медресе Бухары, Самарканда или других центров, из среды самих полукочевых узбеков выходило мало. О тех же найманах (напомню, что они населяли Сазаган) в начале 1870-х годов А. Д. Гребенкин, прекрасно знавший быт населения Зеравшанского округа, писал: «Грамотных между найманами весьма мало; имамы, которых они стараются иметь из своего рода, не только не умеют писать, но даже не знают азбуки»¹¹. Однако найманы в этом отношении были исключением, ибо в кишлаки полукочевых узбеков имамов, как правило, приглашали со стороны, из среды оседлого населения, преимущественно из таджиков. По свидетельству А. Д. Гребенкина, в Зеравшанском округе в это время было свыше 2 тыс. мечетей, из которых лишь в 60—70 имамы были «не из таджиков»¹². Не менее убедительные сведения А. Д. Гребенкина и относительно отдельных узбекских родов и племен Зеравшанского округа: «Грамотных людей между туюклями трудно найти. Нам пришлось слышать, как туюклы хвалились, что у них есть один имам из собственного рода»¹³; «грамотных в этом роде (Минг. — Б. К.) весьма мало, однако в каждой деревне кроме муллы есть один или два умеющих читать, а иногда и писать. Муллы мингских деревень по преимуществу из таджиков»¹⁴; «грамотных между сараями нет: их муллы и имамы из шахрисябцев»¹⁵ и т. д.

В начале XX в. имамы из среды самих полукочевых или относительно недавно осевших узбеков начинают встречаться все чаще, но уровень их образованности был низким. Мне называли только двух известных своей ученостью имамов из среды двух наиболее крупных и компактно расселенных узбекских племен Восточной Бухары: это домулла Клыч из племени лакай в Хисаре (Гиссарское бекство) и домулла Али из племени дурмен в Кобадiane. Как правило, функции имамов в кишлачных мечетях выполняли приезжие: городские имамы, учащиеся медресе (муллабача), просто грамотные люди из поселений оседлых жителей. О. А. Сухарева пишет, что «кроме имамов, обслуживавших мечети города, многие из священнослужителей Бухары выступали в качестве имамов мечетей сельских местностей, куда они выезжали на время, а потом, оставив место, снова возвращались в город и ожидали нового назначения»¹⁶. В сельскую местность охотно выезжали учащиеся медресе, нуждавшиеся в средствах для продолжения образования или для поддержания семьи¹⁷. Например, поставщиками имамов в узбекские и казахские кишлаки и кочевья Самаркандской области были преимущественно некоторые горнотаджикские селения (в частности, расположенные в бассейне Верхнего Зеравшана Фальгара, Матчи и др.), где имелись медресе: это было своего рода «отхожим промыслом»¹⁸. В Восточной Бухаре таким поставщиком «имамов-отходников» был, видимо, Каратегин: во время моих расспросов на местах старики прежде всего называли именно Каратегин, хотя медресе были и в

других районах этого обширного края, и не только в городах, но и в селениях, особенно в тех, жители которых полностью или частично состояли из сайидов и ходжей, считавшихся потомками пророка Мухаммада или его сподвижников¹⁹.

О доходах имама сельской приходской мечети есть данные статистического обследования 1912 г. по Яныкурганской волости Джизакского уезда, осуществленного Н. Вирским — одним из знатоков хозяйства и быта населения Самаркандской области. Привожу эти сведения, предполагая, что доходы сельских имамов Бухарского ханства вряд ли существенно отличались от таковых в степных волостях Туркестанского края: «Стоимость обучения детей в сельских школах тесно связана с расходами населения по содержанию имамов приходских мечетей. Ввиду этого считаем более удобным все обязательные повинности по содержанию духовенства и школ определить совместно. Расходы эти выражаются в следующем: а) во всех школах волости имамы мечетей получают с каждого ученика по 15 коп. в месяц. В среднем годовое обучение простирается до 4 месяцев при 321 ученике. Отсюда годовая плата за обучение мальчиков определяется в 182 руб. 60 коп., или по 3 рубля 94 коп. каждому имаму-учителю. Кроме месячной платы обыкновенно учителю дают печеный хлеб, недорогие вещи, чай, плоды, а во время праздников ему дарят кожи и головы баранов. Все эти подачки можно оценить на 10 руб., что составит на 46 приходских имамов сумму в 460 рублей. Условной годичной платы от населения имам получает от 20 фун. до 3—4 пудов хлеба, в зависимости от зажиточности хозяйства и размеров запашек, в среднем можно считать до 2 пудов с каждого земельного двора, и деньгами по 75 коп. с безземельных дворов. Цифра расхода по этой статье складывается: 1753 земельного двора [по всей Яныкурганской волости] и 165 безземельных, уплачивающих первые по 2 пуда при цене 72 коп. за пуд, вторые по 75 к. с каждого двора, составит 2648 руб. 7 коп., а всего с платежами за обучение мальчиков 3290 руб. 67 коп. Из этой суммы каждому имаму в среднем приходится по 71 руб. 36 коп. Если к этому заработку имама прибавить мелочные доходы в виде кусочков дешевых бумажных материй, даримых на похоронах, и подношений пищи, пилау и проч., стоимость которых не превышает 3—5 руб. в год, то в общем годовое вознаграждение имама определяется в 75 руб.»²⁰.

Дореволюционные исследователи единодушно отмечают малообеспеченность имамов сельских приходских мечетей, не говоря уж о муэззинах²¹.

Экономические исследования, проведенные уже после установления советской власти, в 1925 г., подтвердили прежние наблюдения. «Положение кишлачного духовенства осталось почти без изменений, — писали М. Л. Шпигель и С. Ф. Архангельский относительно Китабской волости, — по-прежнему встреча-

ются бродячие имамы, оставившие семью где-нибудь в Бухарских областях и приходящие на заработки на 1—2 сезона; что же касается временных „практикантов“ из высших духовных учебных заведений, как это широко наблюдалось до революции, то они теперь не встречаются. Размер оплаты услуг кишлачного имама не только не уменьшился, но даже не изменился ее формы. Оплата производится путем разверстки определенного количества сельскохозяйственных продуктов натурой, большей частью рисом и хлебом. Если имам не имеет своей земли, то ему дают ее не более 5—6 танапов и обрабатывают „ашаром“ („хашар“. — „общественная помощь“. — Б. К.), но не редки случаи, когда сам имам принимает участие в полевых работах. Весь этот гонорар (ценностями и трудовой повинностью) распределяется в пределах кишлака примерно пропорционально доходности каждого хозяйства от посева и его мощности вообще²². К „твердому бюджету“ надо добавить случайные поступления в той или иной форме, например подачка в праздничные или базарные дни в виде угощения, а иногда в виде халата. Как правило, всюду шкурки убитых к празднику „Курбан“ баранов дарят имаму. Обучение в конфессиональных школах при мечетях производится теми же имамами во многих случаях бесплатно или за гроши, в лучшем случае — за пуд хлеба в год. В некоторых кишлаках, которые нам приходилось наблюдать, имеется на 30 дворов 3 мечети, но таких случаев мало, причем в таких кишлаках в свое время население было значительно больше. В общем надо сказать, что сельский имам — полунищий, получающий ничтожное содержание<...> Тем не менее, по сравнению с городским имамом, не имеющим гарантированного пайка, положение кишлачного имама лучше<...> Но, несмотря на то что каждый имам получает сравнительно малый доход — не более 130 руб. в год, содержание имама — значительная обуза, тяжесть и повинность для дехкан»²³, особенно в небольших приходах²⁴.

Если в кишлаках сельского населения наем имамов осуществлялся выборными лицами (арбоб, элликбаши, аксакал) при участии наиболее уважаемых стариков, то у сохранившихся кочевые традиции узбеков (их было много особенно в Восточной Бухаре) имам нанимал бай — глава совместно кочующей семейно-родственной группы. С имамом заключался устный договор обычно на срок не более года. При взаимном согласии он мог возобновляться. Из престижных соображений, а также желая выглядеть благодетелем своих сородичей, бай содержал имама, предоставляя ему свою мехманхану (или отдельную юрту, служившую одновременно и школой), и сам же расплачивался с ним в конце срока: обычно давал коня и что-нибудь еще. Прихожане за исполнение треб и чтение молитв при различных обрядах платили имамам натурой, и очень немного. Зависимость имама от бая ставила его в приниженное положение, нередко заставляя участвовать в приеме гостей в

мехманхане бая и прислуживать им. Например, если имам был молодым человеком, в частности учащимся медресе, то он нередко принимал коня у гостя, подводил коня при его отъезде и т. д. Такое положение имама усугублялось характерным для кочевников несколько пренебрежительным отношением к оседлому населению. Это особенно проявлялось у узбеков дашти-кипчакского происхождения, чьей родо-племенной верхушке, как известно, длительное время принадлежала политическая власть в Бухарском ханстве.

Совершенно иным было положение тех немногих имамов, которые происходили из среды самих полукочевых узбеков, из своего племени и рода, да еще из состоятельных семей. Имамство было для них не способом добывания средств к существованию, а престижным занятием, возможностью показать свою ученость, оказывать влияние на общественную жизнь своего рода, иметь большой общественный вес.

Изложенное выше, однако, отнюдь не значит, что духовенство не играло никакой роли в жизни населения. Очень авторитетными были шейхи мазаров и особенно ишаны (обычно ишан и был главным шейхом при мазаре, считавшемся усыпальницей его «святого» предка). Ишаны и шейхи идейно поработали и обирали население городов и селений в значительно большей степени, чем представители официального мусульманского духовенства.

Ишаны в основном также были выходцами из среды оседлого населения и принадлежали к сословию ходжей и сайидов. Они обычно жили целыми родовыми группами при крупных мазарах и обосновывались не только в городах и крупных селениях, но и, как отмечалось еще В. В. Бартольд²⁵, вдали от них, в непосредственном соседстве с местами расселения полукочевых узбеков. Подобно тому как отдельные семейно-родственные группы оседлого населения, а порой жители целых селений и даже районов из поколения в поколение считались мюридами ишанов определенного рода, так и каждая племенная группа полукочевых узбеков или ее подразделения были наследственными мюридами того или иного ишанского рода. В результате многократных вынужденных миграций каждое узбекское племя или его подразделения нередко жили разбросанно, островками на обширной территории. Однако это не препятствовало ишану объезжать их ежегодно или в два-три года раз для получения «своей доли» от доходов мюридов, а также для поддержания в них веры в свою «святость»²⁶.

В 1976 г. в кишлаке Джуш Нуратинского района Самаркандской области 86-летний Хан-Ходжа ишан из потомков местных ишанов (считавших себя потомством первого халифа Абубакра) рассказал мне, что в давние времена не то пророком, не то государством страна была поделена между потомством первых четырех халифов. С тех пор каждый ишан имел доставшуюся ему территорию (т. е. селения или родо-племен-

ные группы кочевников), где он мог «охотиться за мюридами». Эта территория называлась «чорвок» или «богу-чорвок» (в эти термины ишан вкладывал следующий смысл: «усадыба, которая его кормила»). Каждый крестьянин после завершения уборки любого вида урожая первым делом отделял долю (кафсан) своего пира. Кроме того, ишан имел долю от всех видов праздничных угощений — его непременно приглашали на семейные праздники, похороны и поминки или если нужно было дать милостыню по обету. Одна из ветвей (даха, джамаа) ишанского рода, к которому принадлежал информатор, имела своим чорвоком казахов рода Ошакты, которые кочевали далеко, но на базар приезжали в Нурата.

Кочевники и полукочевники даже после оседания (поскольку они помнили свое родо-племенное деление да и ишаны тоже) оставались потомственными мюридами данного ишанского рода. Как мне рассказывал, например, потомок узбеков-дурменов Нурон Юлдашев в 1959 г. в кишлаке Тарыпая (долина среднего течения реки Кафирниган), ишаны дурменов жили в Шахрисабзе, однако их предки были выходцами из Кабула. Ишаны приезжали из Шахрисабза к дурменам раз в три-четыре года, причем отдельные ишанские семьи поделили между собой подразделения дурменов и каждый ишан приезжал в свое.

Что касается шейхов при мазарах, то их положение в обществе и их доходы зависели от популярности охраняемой ими святыни и от доходности вакфов. В обязанности рядовых шейхов и членов их семей входило обслуживание паломников: предоставление им ночлега, а также утвари и топлива для варки мяса жертвенных животных или само приготовление пищи, содержание в чистоте мазара, мест жертвоприношений, приготовления пищи и ритуальных омовений, а также мечети и т. д. Мазары в большинстве своем представляли собой место древнего поклонения и обычно располагались на ключевых для экономики данного района местах, прежде всего были связаны с водными источниками и оросительной сетью, местами пересечения торговых дорог, горными перевалами, путями перекочевков, а также целебными источниками и т. д.

Вопрос о шейхах и ишанах — большая самостоятельная проблема, требующая специального рассмотрения. Здесь же сделана попытка охарактеризовать эту группу духовенства в самых общих чертах.

Как видим, по размерам доходов существовали резкие различия как между отдельными категориями сельского духовенства, так и внутри каждой категории. На одном полюсе были крупные ишаны (владевшие обширными милковыми и вакфными землями, собиравшие свою «долю» от доходов своих многочисленных мюридов, среди которых, как известно, порой были и весьма состоятельные люди) и шейхи популярных мазаров, а на другом — имамы бедных приходов, еле сводившие концы с

концами, или нанявшиеся в качестве имама к полукочевым узбекам муллабача, оплата труда которых полностью зависела от произвола бая.

Положение сельского духовенства соответствовало той категории общества, к которой оно принадлежало, его доходам и происхождению, а также зависело от характера прихода, уровня материальной обеспеченности прихожан, степени их религиозности, что в свою очередь обуславливалось многими причинами, в том числе хозяйственными и этнокультурными традициями.

¹ В. [П.] Наливкин и М. [В.] Наливкина. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886, с. 55; О. А. Сухарева. Ислам в Узбекистане. Таш., 1960, с. 58—69.

² Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений и учебных заведений туземного населения Самаркандской области, с некоторыми указаниями на их историческое прошлое.—Сборник материалов по мусульманству. СПб., 1899, с. 10—12. Обзор составлен по распоряжению Самаркандского военного губернатора комиссией в составе Наливкина, Усова, Вирского, Лапина и Вяткина.

³ [Г. П. Снесарев]. Духовный облик узбекского крестьянина.—Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969, с. 286, 287.

⁴ Н. В. Ханьков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, с. 70. Речь идет о полукочевых узбеках даштикипчакского происхождения, ибо этноним «узбек» в то время еще продолжал употребляться в основном в этом узком его значении.

⁵ А. Д. Гребенкин. Таджики.—Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. Вып. 2. М., 1872, с. 14; Краткий обзор современного состояния..., с. 11—13.

⁶ [Б. Х. Кармышева]. Бытовой уклад населения.—Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 126, 127; полевые материалы автора и по другим районам.

⁷ О мазаре Ходжа-Нахширон см. Б. А. Литвинский. Архитектурный комплекс Ходжа-Нахширон.—Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова. (Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Т. 17). Сталинабад, 1953, с. 121—138.

⁸ Там же, с. 133—138.

⁹ В этом плане интересна казахская народная эпиграмма об оседлых узбеках, называвшихся в прошлом сартами:

Эр кыстакта бир базар,
Сартынг калай байысын.
Эр кыстакта бир мазар,
Сартынг калай кобейсин.

В каждом кишлаке по базару,
Как же сарт будет богатеть.
В каждом кишлаке по кладбищу,
Как же сарт будет размножаться.

(Из полевых записей автора)

¹⁰ Л. Н. Соболев. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа.—«Записки РГО по Отделению статистики». СПб., 1874, т. 4, Приложение 15.

¹¹ А. Д. Гребенкин. Узбеки.—Русский Туркестан. Сборник..., с. 83.

¹² А. Д. Гребенкин. Таджики, с. 17. А. Д. Гребенкин, следуя традиции

местного населения Зеравшанского округа того времени, под этнонимом «таджик» понимал не только собственно таджиков, но и сартов. Последний термин здесь не употреблялся (Б. Х. Кармышева. Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана.—«Краткие сообщения Института этнографии АН СССР». М., 1957, 27, с. 14—17).

¹³ А. Д. Гребенкин. Узбеки, с. 72.

¹⁴ Там же, с. 77.

¹⁵ Там же, с. 90.

¹⁶ О. А. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства (Историко-этнографические очерки). Таш., 1958, с. 98—99.

¹⁷ Выезд учеников медресе в сельскую местность на определенный срок для приобретения средств пропитания, видимо, был давней традицией. Это нашло отражение в вакф-наме XVI в. (Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме». Таш., 1966, с. 77).

¹⁸ Б. Х. Кармышева, Е. М. Пещерева. Материалы этнографического обследования таджиков Нуратинского хребта.—«Советская этнография». 1964, № 1, с. 16.

¹⁹ В этой связи показателен записанный мной в 1959 г. в кишлаке Тарыпая Эсамбайского сельсовета (долина среднего течения Кафирнигана) рассказ 70-летнего Нурона Юлдашева, потомка узбеков-дурменнов: «Имамы у нас были из таджиков. Нам тогда казалось, что все таджики грамотны. Если встречался таджик, не знающий грамоты, то дурмены удивленно восклицали: „Как же это—ты таджик, а грамоты не знаешь?“ (Тожики бўласан, мулло бўлмайсан ми?!). В поисках «вакантного» места имама таджики, видимо, порой забредали далеко от своих родных мест. Любопытно, например, что в 1900 г. ташкентскому востоковеду П. Е. Кузнецову (во время этнографического обследования таджикского населения северного склона Кураминского хребта) в узбекском кишлаке Карамазар встретился имам—«чистокровный бухарский таджик из Куляба», прибывший сюда еще молодым человеком, женившийся здесь «на сартянке» и окончательно здесь обосновавшийся (П. Е. Кузнецов. О таджиках Ташкентского уезда (Краткий очерк).—«Известия Туркестанского отделения РГО». Таш., 1900, т. 1, вып. 2, с. 47).

²⁰ Н. Вирский. Очерк Яны-Курганской волости Джизакского уезда Самаркандской области по данным поземельно-податных работ.—Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 10. Самарканд, 1912, с. 66—67 (в подсчетах Н. Вирского есть ошибки).

²¹ В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк..., с. 55, 57; Г. А. Арандаренко. Досуги в Туркестане. СПб., 1889, с. 44—47; В. Дынин. Очерк быта горцев верховьев Зеравшана.—«Известия Туркестанского отделения РГО». 1914, т. 10, вып. 1, с. 89, 90.

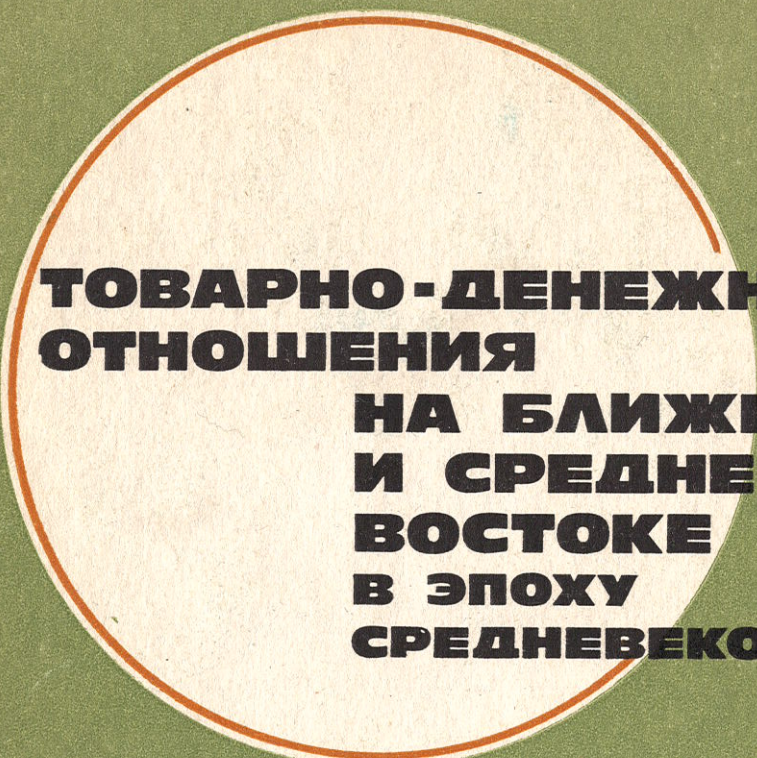
²² Небезынтересно, что то же самое отмечает М. В. Певцов относительно доходов сельских имамов в оазисах Восточного Туркестана: «Сельские муллы пользуются земельными участками, которые обрабатывают сами или сдают в аренду, а также доходами за требы. Эти последние, впрочем, по причине неудовлетворительного экономического состояния населения и отчасти неприятия самих мулл очень незначительны» (М. В. Певцов. Путешествие в Кашгарию и Кун-лунь. [М.], 1949, с. 140).

²³ Современный кишлак Средней Азии (Социально-экономический очерк). Вып. 3. Китабская волость (Кашкадарьинской области Узбекской ССР). Таш., 1926, с. 64—65.

²⁴ Там же, с. 66.

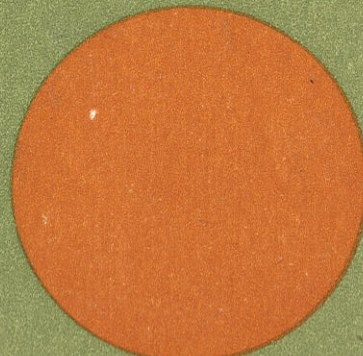
²⁵ В. В. Бартольд. Улугбек и его время.—Сочинения. Т. 2, ч. 2. М., 1964, с. 32.

²⁶ Б. Х. Кармышева. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976, с. 148—153.

**ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ**

**НА БЛИЖНЕМ
И СРЕДНЕМ
ВОСТОКЕ
В ЭПОХУ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ
И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

Б. Х. КАРМЫШЕВА

**О ТОРГОВЛЕ В ВОСТОЧНЫХ БЕКСТВАХ БУХАРСКОГО ХАНСТВА
В НАЧАЛЕ XX В. В СВЯЗИ С ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИЕЙ
(по этнографическим данным)**

Среди многочисленных исследований, в которых в той или иной мере рассматривается состояние сельского хозяйства, ремесла и торговли в Бухарском ханстве или его отдельных бекствах в XIX — начале XX в., нам известны лишь две работы, посвященные вопросам хозяйственной специализации и межхозяйственным связям. Это статьи экономистов Ю. И. Пославского и В. С. Батракова¹.

Ю. И. Пославскому удалось выявить наиболее характерную особенность сельского хозяйства интересующей нас территории накануне установления там Советской власти. Это чрезвычайное разнообразие хозяйственных форм и значительный размер межхозяйственного оборота.

В статье В. С. Батракова большое внимание уделяется такому важному вопросу, как взаимная обусловленность сложившихся в разных природно-хозяйственных зонах различных направлений и отраслей хозяйства всего Бухарского ханства, в частности глубокая взаимообусловленность оседлого, земледельческого и кочевого, скотоводческого хозяйства. Вопросы хозяйственных связей, сложившихся внутри сравнительно узких и локально замкнутых районов Восточной Бухары, на изучении которых настаивал Ю. И. Пославский, В. С. Батраковым не ставились.

В этнографической литературе данных о хозяйственной деятельности населения южных районов Таджикистана и Узбекистана в конце XIX — начале XX в. немного. К тому же в них содержится в основном описание хозяйственной деятельности населения той или иной области² или одной из этнических групп³, на хозяйственной же специализации и торговле внимание не акцентируется. Попытки осветить эти вопросы предпринимались автором в связи с изучением животноводства одной из полукочевых групп узбеков⁴ и проблем этнической истории⁵, но все же они не стояли в центре внимания.

Именно недостаточностью этнографических сведений объясняется тот факт, что и в исторических исследованиях, как обобщающего характера⁶, так и посвященных отдельным бекствам⁷, при освещении вопросов торговли основное внимание уделяется

внешним связям, формы же связей внутри отдельных бекств и в еще более мелких районах рассматриваются недостаточно.

В результате многолетних полевых этнографических исследований (1945—1971) у автора накопились значительные материалы по теме настоящего сообщения. Подготовка их к публикации потребует определенного времени. Здесь же дана лишь краткая характеристика основных типов хозяйства восточных бекств Бухарского ханства (Хисар, Денау, Байсун, Шерабад, Кабадиан, Бальджуан, Куляб), причем внимание акцентировано на товарности производства и формах межхозяйственных связей.

Ведущее направление хозяйственной специализации в восточных бекствах Бухарского ханства, как и в других областях Средней Азии, определялось сосуществованием двух хозяйственно-культурных типов: оседлого, земледельческого и кочевого, скотоводческого⁸. Горы здесь были населены преимущественно исконно земледельческим народом — таджиками; полупустынные низкогорья и холмистые степи, занимающие обширные пространства на юге страны, — в основном полукочевыми узбеками; в предгорьях и подгорной полосе, в долинах крупных рек таджики и узбеки (включая исконно оседлую часть последних) жили смешанно⁹. По мере постепенного оседания кочевников и перехода их к полукочевой и оседлой жизни (к началу XX в. продолжала кочевать лишь наиболее зажиточная часть узбеков) их хозяйство все больше обретало сходство с хозяйством исконно оседлого населения. Но все же в нем сохранялись некоторые своеобразные черты, которые шли от прежних традиций и проявлялись в численности поголовья скота, формах его содержания, в составе стада, в составе возделываемых культур и соотношении этих культур, в характере подсобных промыслов и т. д.

В восточных бекствах Бухарского ханства были представлены следующие основные типы сельского хозяйства¹⁰:

1. Крупнооазисное поливное земледелие в долинах больших рек в сочетании с богарным полеводством (в нижнем ярусе предгорий) и с выгонной формой скотоводства¹¹.

2. Мелкооазисное («очаговое») поливное земледелие в предгорьях и нижнем ярусе гор в сочетании с богарным хлебопашеством, выгонной и отгонно-пастбищной формами скотоводства и промыслами.

3. Мелкооазисное («очаговое») поливное земледелие и богарное хлебопашество в среднем ярусе гор в сочетании со стойлово-яйлажной формой скотоводства и промыслами.

4. Мелкооазисное поливное и богарное земледелие в высокогорном ярусе в сочетании со стойлово-яйлажной формой скотоводства и промыслами.

5. Земледелие на богарных и условно-поливных землях предгорий и низкогорий в сочетании с отгонно-пастбищным скотоводством и промыслами.

6. Отгонно-пастбищное скотоводство в сочетании с редкими очагами поливного или богарного земледелия и промыслами.

Первые четыре типа были присущи оседлому населению (как исконно оседлому, так и бывшим полукочевникам, полностью перешедшим на оседлость), а остальные — полукочевому и кочевому.

Внутри каждого из указанных основных типов наблюдалось большое разнообразие направлений хозяйства в зависимости от соотношения различных культур в земледелии, или видов скота в стаде, или же различных отраслей в промыслах. Это было обусловлено, во-первых, многообразием ландшафтов, во-вторых, социально-экономическими факторами (степенью обеспеченности средствами и орудиями производства, степенью товарности, близостью рынка и т. д.), в-третьих, этническими традициями.

Первый тип хозяйства представлен в Гиссарской долине и долине среднего течения Сурхандарьи, в Шерабадском и Кабадианском оазисах, в долине среднего течения Яхсу (Куляб) и в долине Вахша (Кургантюбе). Основу хозяйства здесь составляло интенсивное поливное земледелие. Наиболее благоприятными для возделывания разнообразных культур были подгорная равнина и верхние древние террасы крупной реки. Они орошались водой каналов, выведенных обычно не из крупной реки, а ее боковых притоков. Здесь возделывали зерновые культуры (пшеницу, ячмень, рис, просо, кунак), бобовые (маш, горох, фасоль, чину, чечевицу, люцерну), масличные (кунжут, лен-кудряш), бахчевые (дыни, арбузы, тыквы, тыквы-горлянки), огородные (огурцы, лук, морковь, красный перец, кориандр), базилик, садовую мяту, тмин и другие ароматические и пряные растения, а также местами репу, черную редьку и некоторые другие овощи. Разводили здесь также сады и виноградники, выращивали тутовые деревья, при этом не только ради плодов, но и для выкормки шелковичных червей; возделывали технические культуры (местный сорт хлопка — гузу¹², сафлор, марену).

Зажиточные и частично среднего достатка крестьяне имели богарные посевы на склонах прилегающих к оазису предгорных холмов, где возделывали преимущественно пшеницу, ячмень, лен, кунжут, дыни и гузу.

Скотоводство в крупных оазисах было подчинено земледелию (разведение крупного рогатого скота, являвшегося основной тягловой силой). В каждом хозяйстве среднего достатка были одна-две лошади и несколько ослов для верховой езды и перевозки грузов. Разведение мелкого рогатого скота имело лишь потребительское значение.

В крупных оазисах располагались города и торгово-ремесленные селения. Подавляющее большинство горожан занятия ремеслом и торговлей сочетало с земледелием.

Население крупных оазисов поставляло на рынок урожай пе-

речисленных выше культур, а также продукцию ремесленного производства — ткани, земледельческие орудия (сошники, серпы, мотыги, лопаты и др.), гончарную и металлическую посуду, а также другую металлическую утварь (ножи, топоры, клещи и т. п.), оружие, верховую сбрую, седельные изделия, кожи и изделия из нее, ювелирные украшения, мыло, кондитерские изделия и другие товары.

Некоторые города и селения были известны как центры производства определенного вида изделий. Центрами производства хлопчатобумажной ткани алача были Куляб, Муминабад, Файзабад, Душанбе, Байсун и особенно Каратаг. Куляб и Каратаг славилась также шелковыми и полшелковыми алача, которые не только реализовались в Восточной Бухаре, но и вывозились в другие области Бухарского ханства, а также в Самарканд, Ташкент, Афганистан и даже в Индию¹³. Не меньшей известностью пользовались ножи и сабли производства каратагских мастеров¹⁴. Очень популярными среди полукочевых узбеков были золотисто-желтые женские головные платки из шелка-сырца, производившиеся в Кабадиане. Искключительный спрос был на железные лопаты производства байсунских кузнецов. Для их приобретения крестьяне ездили в Байсун даже из тех селений, которые отстояли от него за сотни километров, посылая обычно представителя для «оптовой» закупки лопат для всех сельчан.

Население крупных оазисов, несмотря на многообразие производимой им продукции, нуждалось в некоторых продуктах других зон, а также в сырье и полуфабрикатах для ремесленной промышленности. У кочевников и полукочевников оно приобретало скот (мясной, рабочий, транспортный), шкуры и изделия из шерсти (кошмы, паласы, мешки, переметные сумки, попоны, арканы и др.), соль, фисташки, дрова, древесный уголь. В начале XX в. у полукочевых узбеков можно было еще купить и богарную пшеницу (по своим вкусовым качествам и калорийности она стояла выше, чем поливная), ячмень, отчасти и корбочки гузы, и хлопчатобумажную пряжу, льняное и кунжутное семя (из него получали растительное масло), дыни (как в свежем, так и в сушеном виде). У оседлого населения предгорной и горной зон — хлопчатобумажную пряжу, изюм, грецкие орехи, виноградную патоку, коконы шелкопряда, тутовую и яблочную муку, пшеницу и др.

Наряду с многоотраслевым хозяйством в крупных оазисах были места с узкой специализацией хозяйства. Это прежде всего зона нижних припойменных террас, для которой характерна повышенная влажность почвы в результате сброса сюда излишков воды, использованной для орошения предгорий и подгорной равнины. Здесь выращивали в основном рис. Население именно этой зоны было основным поставщиком товарного риса в Восточной Бухаре. Рис в большом количестве вывозился и за

пределы ее, в частности в Каршинский и Бухарский оазисы. Рисоводы, в свою очередь, нуждались в хлебе, скоте, фруктах (свежих и сухих), растительном масле, в товарах ремесленно-го производства, изделиях из шерсти.

К числу мест с узкой специализацией хозяйства можно отнести те селения, часть жителей которых занималась огородничеством специально для продажи (лук, перец, морковь и душистые травы). В восточных бекствах Бухарского ханства покупать перечисленные выше огородные растения на базаре было в обычае не только кочевого и полукочевого населения, но и оседлого. Огородничеством обычно занимались в отдельных пригородных кишлаках или базарных селениях. Например, лук и морковь выращивали жители кишлаков Кутчали и Ходжарки, расположенных в окрестностях г. Денау. В этом же бекстве возделыванием этих овощей занимались в базарном селении Карлюк (здесь была летняя резиденция денауского бека). Огородничество товарного направления было развито в Кабадиане (в самом городе и его окрестностях). Тот, кто имел достаточного размера обильно орошенную мильковую землю¹⁵, выращивал здесь морковь и особенно лук специально для продажи. Эти культуры находили широкий сбыт среди оседлого и особенно полукочевого населения. Последнее даже при полном переходе на оседлость само очень редко возделывало огородные культуры. Кабадиан полностью обеспечивал луком и морковью соседнее Кургантюбинское бекство, подавляющее большинство населения которого составляли бывшие кочевники, полностью или частично осевшие на землю. По словам жителей Кабадианского оазиса, осенью в базарные дни из Кабадиана в Кургантюбе, Джиликкуль и Сарайкамар отправлялось до тысячи ослов, груженных луком и морковью. Кроме того, на самом кабадианском базаре распродавалось до 100—200 ослиных выюков этих овощей. Думается, что тут нет преувеличения: невысокие пустынные горы и холмистые степи, простиравшиеся на обширном пространстве от низовьев Сурхана до низовьев Вахша, служили зимними пастбищами для многотысячных отар чуть ли не всей Восточной Бухары и именно в Кабадиане чабаны перед отправлением домой на побывку делали нужные для семьи покупки.

Второй тип хозяйства. При нем товарные излишки были в основном в земледелии и шелководстве. В скотоводстве же они могли быть у недавно осевших узбеков, наиболее зажиточная часть которых наряду с земледелием продолжала в небольших размерах заниматься и отгонно-пастбищным овцеводством.

Земледелие в этой зоне в зависимости от характера земельных угодий имело три направления. При обилии орошаемых земель оно было многоотраслевым, но с преобладанием зерновых (включая рис), затем — бобовых. На удобных для вспашки и достаточно обеспеченных осадками богарных землях преобладали также зерновые, на втором месте были масличные, а

местами и гуза. Товарные излишки зерна и масличных давали именно богарные посевы. Часть урожая садов и виноградников также реализовалась.

Как отмечалось, еще одной товарной отраслью зоны предгорий и нижнего яруса гор являлось шелководство. Тутовые плантации размещались на орошаемых землях. Коконь сбывали городским ткачам, а также скупщикам, приезжавшим из Афганистана, а в начале XX в. — главным образом из Туркестанского края. Часть коконов в виде шелка-сырца реализовалась полукочевым узбекам, среди зажиточных слоев которых было принято обильно украшать одежду и домашние вещи вышивкой шелком, а также бахромой и кистями из крученых шелковых ниток. Кроме того, у них встречались и тканые паласной техникой орнаментированные шелковые покрывала различного назначения.

В тех местах предгорий и нижнего яруса гор, где было мало поливных земель, да и богарные не изобиловали, оседлое население специализировалось на садоводстве и особенно виноградарстве. Именно в этой зоне виноградарство имело широкое товарное направление¹⁶. Как центры виноградарства славились, например, кишлаки предгорий Гиссарского хребта и его отрогов: Хауз, Сина и Вахшивор в Денауском бекстве; Газарак и Хуфар — в Хисарском; Пассурхи — в Байсунском. Во всех этих местах источником орошения служили небольшие речки и ручьи, почти пересыхающие летом. Однако виноградники при условии зимних поливов, даже при однократном весеннем поливе, давали хорошие урожаи. Здесь выращивали более 20 сортов винограда. Одни из них (например, осенний сорт тоифий, выдерживающий длительное хранение) реализовались в свежем виде, другие — в сушеном. Большим спросом пользовалась виноградная патока, которая являлась не только одним из сладких блюд и использовалась при варке варенья, но и полуфабрикатом для производства местных кондитерских изделий, в частности нишалла (лакомства из взбитых яичных белков, мыльного корня и патоки) и халвы (из грецкого ореха или кунжутного семени).

Свежий виноград крестьяне продавали главным образом на ближайших базарах, но наиболее предприимчивые доставляли его на довольно удаленные от своего кишлака, а также развозили его по кишлакам полукочевых узбеков, обменивая на зерно, шерсть, сушеный сыр и т. д. Однако виноград сбывали в основном в сушеном виде. Изюм, удобный для транспортировки, крестьяне, если имели ослов, везли продавать не столько на ближайший базар, сколько на тот, где он наиболее выгодно мог быть реализован. Так, жители кишлаков Хауз, Вахшивор и Сина возили изюм помимо Карлюка, Денау и Юрчи еще в Байсун и даже в Куляб, а газаракцы — в Каратаг, Хисар, Каратегин. Из тех мест привозили домой те предметы, которые были

там дешевле или лучшего качества либо в своей округе вовсе не вырабатывались. Из Каратага, например, привозили алачу, из Байсуна — железные лопаты, из Каратегина — белые чекмени и пуховые чалмы.

На местных рынках основными покупателями изюма были полукочевые узбеки, у которых на многолюдных пиршествах по случаю свадьбы, обрезания или других семейных праздников одним из непременных угощений был изюм (его подавали к чаю). Кроме того, на этих праздниках изюм, символизируя пожелание плодovitости и сладкой жизни, употреблялся при совершении различных обрядов. У этой группы населения изюм входил даже в состав калыма, в числе тех продуктов и скота, которые сторона жениха обязана была доставить в дом невесты для проведения свадебного пира. Нередко осенью степняки-узбеки сами приезжали в кишлаки виноградарей для закупки нескольких мешков изюма.

Патоку на местных рынках обычно покупали кондитеры. Изделия их пользовались большим спросом у оседлого населения, особенно в осенне-зимний период, когда происходили свадьбы, ибо при проведении предсвадебных церемоний различные сладости, в частности халва, непременно фигурировали в качестве ритуального угощения или подношения со стороны жениха. Спрос на халву и нишалла возрастал в период весенних народных гуляний, во время годовых мусульманских праздников, а также поста (руза), когда в городах и некоторых крупных селениях функционировали ночные базары. Халва находила сбыт и у полукочевого населения. Например, кондитеры Байсуна возили ее, навьючив на ослов, по кишлакам и кочевьям верховьев Кичи-Урядарьи и даже в долину Кугитангдарьи, т. е. Гузарского и Келифского бекств. Халву обменивали на зерно, масло, шерсть, а в Кугитанге — даже на хлопок.

Однако большая часть патоки и изюма сбывалась не на местных рынках, а вывозилась в центральную часть Бухарского ханства и Туркестанский край. Изюм далее отправлялся и в Россию. Вывоз указанных продуктов за пределы восточных бекств осуществлялся скупщиками, приезжавшими главным образом из Карши и Гузара — перевалочных пунктов для товаров, вывозившихся из восточных бекств. В Байсун скупщики приезжали и из Ургута. Скупщики с караванами верблюдов прибывали обычно в середине октября, когда виноград был убран и переработан. За изюм и патоку они расплачивались частью русскими тканями (ситцем и тиком), частью деньгами. Кроме того, они меняли на изюм шкуры верблюдов, из которых местные крестьяне шили себе прочную обувь для работы в поле.

На вырученные от продажи изюма и патоки деньги крестьяне покупали ремесленные изделия, скот, хлопок, а в местностях, где было мало пахотных земель, и хлеб. Значительная часть денег шла, разумеется, на уплату налогов и долгов.

В большинстве мест, славившихся виноградарством, разводили и сады. Фрукты реализовали как в свежем, так и в сушеном виде. Некоторые кишлаки славились отдельными видами или сортами фруктов (например, Дашнавад — гранатами) далеко за пределами Восточной Бухары.

При садоводческо-виноградарском направлении хозяйства скотоводство было подчинено земледелию. Оно имело весьма ограниченные размеры и не давало товарного излишка. Наоборот, крестьянам приходилось рабочий скот арендовать или покупать. Покупали они и продуктивный скот, а также лошадей и ослов. Правда, ездового коня, столь необходимого в горных условиях, имел далеко не каждый.

Основным подсобным занятием жителей названных выше кишлаков, как и большинства селений предгорий и нижнего яруса гор, было изготовление хлопчатобумажной пряжи и отчасти тканей (преимущественно бязи). Прядение было женским занятием, а ткачество — в основном мужским. Мужчины же добывали сырье — выращивали гузу на поливных и богарных землях или приобретали коробочки хлопчатника на базаре. Пряжу мужчины сбывали на базаре. Основными покупателями были ремесленники-ткачи. В некоторых кишлаках часть пряжи крестьяне оставляли себе, чтобы выработать бязь для повседневной одежды. Ткали сами или заказывали сельским мастерам. Газаракцы, например, возделывали гузу сами, но ткачей среди них не было, поэтому всю пряжу они сбывали на базаре в Дашнаваде, ближайшем к Газараку крупном ремесленно-торговом селении, центре амлякдарства. Жители кишлаков Хауз и Вахшивор хлопок не выращивали, а приобретали его на базаре в Карлюке или Денау. Часть выработанной женщинами пряжи шла на себя (ткали сами или заказывали мастерам своего кишлака), но большая часть ее продавалась на базаре в Дашнаваде и Каратаге, где, как отмечалось, ремесленники ткали не только бязь, но и алачу.

Занятие виноградарством сочетали с ткачеством хлопчатобумажных тканей и в ряде кишлаков (преимущественно таджикских) вокруг г. Байсуна и в самом городе. Основная часть тканей этого центра ткачества шла в степь — полукочевым узбекам. То же можно сказать, в сущности, о большинстве центров ткачества — Каратаге, Душанбе, Файзабаде, Муминабаде, Кулябе.

В предгорной зоне местами жили и бывшие кочевые узбеки, полностью перешедшие на оседлость. У них обычно даже при ограниченности воды для орошения виноградники встречались редко, поливные земли они в основном занимали под люцерну и зерновые, а местами под тутовые плантации. Так было, например, у таких групп, как семиз, кесамир, тюрк, живших в окрестностях Куляба и между Кулябом и Муминабадом. При условии своевременных осадков они имели значительные из-

лишки зерна с богарных земель. Товарный характер носили у них еще шелководство и бахчеводство.

Третий тип хозяйства был присущ также оседлому населению. Он отличался от предыдущего отсутствием рисосеяния, хлопководства и виноградарства (если последнее и было, то оно имело лишь потребительское значение), большей ролью садоводства и скотоводства. Обилие хороших пастбищ и сенокосов могло бы выдвинуть скотоводство на первое место, но необходимость стойлового содержания скота в зимний период ограничивала увеличение поголовья. Большое место в стаде принадлежало козам, которые в скалистых горах даже зимой находили себе корм.

Товарное значение в этой зоне имели хлебопашество, садоводство и некоторые промыслы. Излишки хлеба бывали в тех местностях, где в горах встречались открытые ровные участки или пологие некаменистые склоны, удобные для вспашки. Одним из таких хлебородных мест был Катар — горы к северо-востоку от г. Байсуна, в истоках р. Халкаяр (Карлюкдарья). В засушливые годы, когда в степной части Байсунского бекства хлеба сгорали, степняки-конграты приезжали сюда за пшеницей и ячменем. Катар считался житницей Байсуна. Излишки хлеба бывали в горах и к северу от г. Байсуна. Сюда ежегодно осенью приезжали конграты Келифского бекства, в частности из местности Ляйлимкан. Купленную пшеницу они тут же перемалывали на водяных мельницах и увозили муку на своих верблюдах (в безводных степях, где они жили, были лишь ручные мельницы).

Приезжали в горы за пшеницей и жители предгорий. Для обмена на зерно они привозили главным образом алачу и бязь, а также изюм. Степняки же пригоняли скот и, кроме того, привозили изделия из шерсти.

Основными товарными продуктами жителей среднегорного яруса были грецкие орехи и сухие фрукты (абрикосы, яблоки, груши, тут и др.), которые сбывали не только на месте (прикочевывающим на лето в горы кочевникам и полукочевникам), но и на базаре, куда привозили их на ослах¹⁷. Орехи и фрукты возили в основном на те базары, где можно было подешевле купить коробочки гузы. Для Байсуна и бассейна Сурхана это были базары Шерабада, Кугитанга и Денау. Гузу старались закупить осенью в таком количестве, чтобы обеспечить женщин своей семьи на всю зиму работой по изготовлению пряжи. Как и в предгорьях, большая часть пряжи сбывалась городским ткачам.

Люди победнее в качестве подсобного промысла занимались заготовкой и продажей различных диких съедобных, лекарственных и технических растений, а также заготовкой и продажей дров, выжиганием угля. Уголь сбывали в основном кузнецам (сельским и городским). Кроме того, состоятельные горожане

покупали древесный уголь для обогрева в зимнее время жилого помещения — меманханы. Отдельные лица в горных кишлаках занимались тем или иным ремеслом (кузнечным, ткацким, сапожным, деревообделочным, плотническим) или охотой. В Кулябском и Бальджуанском бекствах и в некоторых местах восточной части Хисарского бекства бытовало женское гончарство¹⁸. Одним из основных подсобных промыслов было отходничество.

Проиллюстрируем отмеченное разнообразие экономических связей населения среднегорной зоны полевыми этнографическими материалами, собранными нами в двух кишлаках, расположенных по соседству друг с другом в верхней части долины р. Сангардак, правого притока Сурхандарьи. Кишлаки эти — Сангардак и Чанглок. В первом из них жили таджики, а во втором — перешедшие на оседлость узбеки, относившие себя к племени катаган, но среди окружающего населения больше известные под названием «тагчи» (горец)¹⁹.

Основным занятием обеих групп было земледелие — полеводство и садоводство. У таджиков было больше поливных земель, а у тагчи — преимущественно богарные. Кроме того, у тагчи было больше скота, в частности мелкого рогатого, в особенности коз. В урожайные годы у крестьян состоятельных и среднего достатка были товарные излишки зерна, орехов, яблок, абрикосов. За пшеницей сюда приезжали таджики кишлаков Хубон и Хонджиза (первый — в нижней части Сангардакского ущелья, а второй — в соседнем ущелье, где было значительно меньше пахотных земель). Для обмена на пшеницу они привозили бязь и алачу. За пшеницей приезжали сюда еще узбеки-тагчи из урочища Кентала, расположенного в верховьях Шерабадарьи (называемой в этой части Тургандарьей или Мачайдарьей). Преодолевая трудные перевалы, они привозили для обмена на пшеницу каменную соль.

За пределы своего ущелья сангардакцы и чанглокцы вывозили главным образом орехи и фрукты. Орехи для обмена на хлопок или продажи они возили на шерабадский базар, который был намного дальше ряда других базаров, но считался самым крупным хлопковым базаром Восточной Бухары²⁰. Хлопок поступал туда не столько с полей самого Шерабадского оазиса, сколько из соседнего Келифского бекства, из долины Кугитангарьи. Сангардакцы и чанглокцы предпочитали покупать хлопок сорта «кук янбак» (зеленый орех), считавшийся лучшим. Выработанную из хлопка пряжу отвозили в упомянутый выше кишлак Хубон и заказывали тамошним мастерам бязь. Русские фабричные ткани, кожи и обувь работы городских ремесленников в Сангардакское ущелье привозили торговцы. Эти товары они обменивали на корни дубильного растения кармак (Limonium Mill), заготавливавшегося горцами.

Яблоки и абрикосы жители Сангардака продавали в Юрчи

и Паттакесаре (Термез). На базаре в Юрчи они покупали гончарную посуду, в частности кувшины для воды, а в Паттакесаре — фабричные ткани. Сушеные фрукты крестьяне обычно реализовали полукочевым узбекам, которые прикочевывали со скотом на летние пастбища, расположенные в верховьях Сангардака.

Здесь были постоянные летовки баев из племен конграт и юз. Каждый из них имел среди местных жителей своего «приятеля» — ошно (институт «торгового друга» во взаимоотношениях оседлого и кочевого населения в Восточной Бухаре и в начале XX в. был очень распространен). К приезду своего «приятеля»-скотовода ошно заготавливал соль (привозил каменную соль из урочища Кентала), заблаговременно молол на мельнице пшеницу, чтобы к приезду байской семьи уже была мука. Также заранее приготавливал толокно из диких груш, заготовленное еще с осени и насушенных. Толокно это считалось лучшим средством от дизентерии. Скотовод расплачивался со своим ошно шерстью, мясом, скотом, бараньими шкурами. Шкуры после соответствующей обработки сшивали и получали теплые подстилки, столь необходимые в условиях сурового горного климата.

Экономические связи населения верховьев Сангардака простирались и за пределы Восточной Бухары, так как одним из самых распространенных подсобных промыслов было отходничество. Малоимущие и среднего достатка крестьяне, завершив к началу сентября полевые работы, большой артелью в 30—40 человек отправлялись в Самаркандский оазис на жатву риса. Шли пешком. Преодолев несколько трудных перевалов, попадали к верховьям Яккабагдарьи²¹ и далее через Шахрисябз и перевал Тахтакарача спускались в долину Зеравшана. На заработанные деньги холостые покупали подарки невестам (фабричные ткани, обувь производства городских мастеров, картон для модной в то время высокой налобной повязки и другие предметы), а семейные крестьяне приберегали деньги для уплаты налогов и поэтому покупали только самые необходимые вещи, в частности железный и стальной лом, чтобы заказать после возвращения домой кузнецу топоры, серпы и другие орудия.

Зажиточные жители Сангардака и Чанглока осенью также отправлялись в Самарканд, чтобы продать несколько десятков голов баранов и коз, а на вырученные деньги купить те же предметы, что перечислены выше, но обычно в большем количестве и лучшего качества.

Малоимущие крестьяне ходили на заработки и в долину Сурхана, но туда направлялись небольшими группами. Работали обычно на жатве камыша, травы, ячменя, риса, а также на сборе хлопка. Плату получали в основном деньгами, на которые обычно покупали рис.

Отходничеством занимались и сельские кузнецы кишлаков Сангардакского ущелья: они на два-четыре месяца отправлялись в г. Каратаг, известный в Восточной Бухаре центр металлообработки, в подручные к местным кузнецам (обычно каждый сельский кузнец направлялся к тому мастеру, у которого в свое время обучился ремеслу), чтобы заработать несколько чугуновых сошников.

В Сангардаке было несколько мастеров, изготовлявших деревянную точеную посуду, так как в этом ущелье в изобилии росли клен и другие нужные породы деревьев²². Готовую продукцию развозили на ослax по кишлакам соседних ущелий, где было мало леса и поэтому не было и деревообделочников. Сангардакские мастера вывозили посуду и на базар в Юрчи, где ее в основном покупали полукочевые узбеки.

Приведенные материалы достаточно ярко свидетельствуют о разветвленности и товарном характере хозяйственных связей населения среднегорной зоны и многообразии форм этих связей.

Четвертый тип хозяйства был присущ оседлому таджикскому населению. Основу хозяйства здесь составляли хлебопашество и скотоводство. Сады в этой зоне отсутствовали. Главным подсобным промыслом оставалось отходничество. Заметную роль в экономике играла охота²³. Именно охота, а также заготовка и сбыт съедобных, технических и лекарственных растений наряду с заработком на отхожем промысле давали жителям высокогорной зоны возможность приобретать путем обмена и покупки недостававшие или не производившиеся в собственном хозяйстве продукты. Однако возможности эти были невелики. Исследователи всегда подчеркивают бедность горцев.

Пятый тип хозяйства в начале XX в. был наиболее распространен среди полукочевых узбеков. В богарной зоне они возделывали пшеницу, ячмень, лен, кунжут, бахчевые (особенно дыни) и местами гузу. На возвышенностях и нагорьях Южно-таджикистанского низкогорья урожаи были относительно устойчивыми, и такие районы давали наибольший выход товарного зерна. Здесь хозяйство не только малоимущих крестьян, но и среднего достатка основывалось на земледелии, а зажиточные и богатые крестьяне вели комплексное хозяйство, сочетая хлебопашество с отгонно-пастбищным овцеводством или коневодством, или же специализированное зерновое хозяйство товарного направления.

В холмистых степях и межгорных долинах наиболее засушливых, южных районов изучаемой территории земледелие было возможно лишь при условии хотя бы однократного полива, для чего использовались весенние селевые потоки (такие земельные угодья принято называть условно-поливными). Земледелие в этой зоне из-за частых засух было неустойчивым, поэтому хозяйство средних и тем более зажиточных крестьян в значитель-

ной степени базировалось на скотоводстве (преимущественно на курдючном овцеводстве).

Те группы полукочевых узбеков, зимовки которых располагались в широких речных долинах (низовья Кызылсу, Кафирнигана, Сурхана, Гиссарская долина и др.), осваивали пойменные земли под посевы риса и таким образом сочетали отгонно-пастбищное скотоводство с рисосеянием. В составе стада у них значительное место принадлежало крупному рогатому скоту, для которого в тугаях и зимой было достаточно зеленого корма. Сдача в аренду рабочих волов оседлому земледельческому населению и получение арендной платы зерном давали им возможность в той или иной степени обеспечить себя хлебом.

В скотоводстве подавляющего большинства групп полукочевых узбеков ведущей отраслью было курдючное овцеводство, и лишь у двух племен — марка и локай — табунное коневодство²⁴. В наиболее засушливых юго-западных районах, в частности у конгратов Байсунского, Шерабадского и Келифского бекств, было и верблюдоводство. Разводили также коз, крупный рогатый скот и ослов. Состав стада у отдельных крестьян определялся их имущественным положением. Отары овец и табуны лошадей держали богатые скотоводы. Их хозяйство имело товарное направление.

Скотоводство полукочевых узбеков было отгонно-пастбищным: основное поголовье скота в течение всего года выпасалось на сезонных пастбищах, однако владельцы стад в отличие от кочевников не совершали вместе со скотом полного цикла кочевания. Летом, когда отары угонялись на альпийские луга, семьи скотоводов оставались на летовках, расположенных в среднегорной зоне; зимой, когда овец угоняли на полупустынные и пустынные пастбища, расположенные на самом юге рассматриваемой территории, — в кишлаках, вблизи пашен.

Весной, когда крестьяне покидали кишлаки на весь жаркий период, у пашен для присмотра за посевами находились старики или несколько семей бедняков. На период уборки урожая мужчины спускались к полям. Ближе к осени, когда начиналось созревание дынь, многие семьи возвращались с летовок, чтобы своевременно переработать урожай: дыни, нарезав ломтями, вялили на солнце, а также варили из их мякоти густую патоку, которую затем сушили и запасали на зиму. Эти продукты наряду со свежими дынями и арбузами являлись предметами сбыта: их обменивали у соседей-таджиков на зерно, гончарную посуду, куски плитняка, употреблявшиеся полукочевыми узбеками для выпечки на них лепешек, и другие вещи, а иногда вывозили на базар.

У полукочевых узбеков было и сельское ремесло: среди них были кузнецы, серебряных дел мастера, изготавливавшие богатую конскую сбрую и ювелирные украшения, седельники, деревообделочники, сапожники. Как и у других кочевых и полукочевых

народов Средней Азии²⁵, мастера работали в основном на заказ (на материале заказчика или на своем сырье). Слабое развитие ремесла не привело к строгой специализации. Мастера нередко работали на дому у заказчика и в одиночку.

Подсобные промыслы у полукочевых узбеков были разнообразны. Наиболее распространенными были изготовление изделий из шерсти (преимущественно женское занятие) и отходничество (в основном нанимались чабанами или жнецами, а также выполняли поденную работу). Кроме того, занимались сбором фисташек, добычей соли, выжиганием угля, заготовкой и продажей дров, извозом. Последний промысел характерен только для тех групп, которые занимались верблюдоводством.

В зависимости от направления хозяйства полукочевые узбеки поставляли на рынок скот, шкуры, изделия из шерсти, зерно, кунжут, лен, дыни, гузу, хлопчатобумажную пряжу. Собственного хлеба, риса, а также соломы и люцерны для лошадей все же не хватало²⁶, но больше всего они нуждались в изделиях городского ремесла, и прежде всего в хлопчатобумажных тканях.

В начале XX в. среди полукочевых узбеков Восточной Бухары можно было проследить все градации превращения кочевника-скотовода в оседлого земледельца. Если до конца 80-х годов XIX в. переход к земледелию и связанное с этим оседание бывало вызвано потерей скота, невозможностью вести отгонно-пастбищное скотоводство, то с конца XIX в. к земледелию в Восточной Бухаре обращаются средние, зажиточные и даже богатые хозяйства. Объяснялось это тем, что с присоединением Средней Азии к России, по мере развития хлопководства и роста городов в остальных частях Бухарского ханства и особенно в Туркестанском крае стал быстро повышаться спрос не только на скот, но и на хлеб и другие продукты земледелия. Безопасность торговых путей, установление регулярного судоходства по Амударье, строительство Закаспийской железной дороги, связавшей г. Чарджоу на Амударье с Центральной Бухарой и Туркестанским краем, проведение тракта Самарканд — Термез — все это, как известно, создало условия для вывоза хлеба из восточных бекств и привело к быстрому расширению хлебопашества на богарных и условно-поливных землях, в значительной степени занятых полукочевыми узбеками. Богатые скотоводы, нарушая вековые традиции, начали заниматься хлебопашеством товарного характера. Именно у них было достаточно рабочего скота и орудий для освоения целинных земель, т. е. самовольной записки общинных пастбищ, именно они широко прибегали к эксплуатации своих сородичей, становившихся их батраками и издольщиками.

Проиллюстрируем сказанное на примере узбекского племени локай, занимавшего центральные районы Хисарского и Бальджуанского бекств²⁷.

До последней четверти XIX в. ведущим занятием локаев было коневодство. Локайская порода лошадей находила широкий сбыт как в Восточной Бухаре, так и за ее пределами. Овцеводство и богарное земледелие имели у этого племени преимущественно потребительское значение. К 10-м годам XX в. произошел перелом в их занятиях. Небольшая группа локайцев продолжала заниматься коневодством, расширив его и поставляя лошадей русским военным властям и на рынки Туркестанского края (Уратюбе, Самарканд, Фергана и другие области). Значительная часть локайцев, перейдя к богарному хлебопашеству, стала одним из основных поставщиков зерна не только для указанных бекств, но и на внешний рынок.

Основными покупателями хлеба были соседние узбекские племена, сохранившие овцеводство в качестве главного занятия. Осенью крупнейшие овцеводы из племени карлук, зимовки которых находились в Яванской долине, по соседству с кишлаками локаев, закупали у них (частично выменивали на кошмы и шерсть) основной излишек хлеба. Хлеб Яванской и Киикской долин шел, кроме того, на юг: его вывозили на лошадях в Кабадиан и Кургантюбе, где сбывали узбекам племени дурмен, туркменам и казахам. Часть хлеба выменивалась на шерсть и овец, а часть — на рис у кабадианских дурменов. Хлеб локаев шел и на север, в Гиссарскую долину, где выменивался на рис у племени марка, которое наряду с коневодством и овцеводством занималось рисосеянием в тугаях Гиссарской долины и у которого своего хлеба не хватало.

Излишек хлеба балъджуанских локаев шел в низовья Кызылсу и припанджские районы, где было много кочевых и полукочевых племен и народностей, которые или вовсе не имели своего хлеба, или им своего хлеба не хватало (узбеки племен карлук, сарай, катаган, казахи, арабы, хазары, лярхоби и др.). Значительную часть хлеба восточных бекств, в том числе и локайского, закупали скупщики, приезжавшие из Керки, Термеза, Хивы. Затем этот хлеб они сплавляли по Амударье²⁸.

Шестой тип хозяйства. Спрос на скот, в частности на курдючных баранов, рос не меньшими темпами, поэтому часть богатых скотоводов вовсе забрасывала земледелие и специализировалась лишь на отгонно-пастбищном овцеводстве²⁹. Другие же скотоводы, не занимавшиеся хлебопашеством вообще, интенсифицировали овцеводство, закрепляя за собой (иногда даже в частную собственность) лучшие участки пастбищ и даже орошая их, подбирая опытных чабанов (удерживая их в своем хозяйстве), уделяя пристальное внимание улучшению мясо-сальных качеств знаменитой гиссарской породы курдючных овец путем строгого соблюдения выработанных многовековым народным опытом зоотехнических приемов и т. д.³⁰.

Однако не только крупные овцеводы, но и часть рядовых скотоводов восточных бекств Бухарского ханства в начале XX в.

еще сохраняла отгонно-пастбищное овцеводство в качестве основного, а порой и единственного занятия. Посевы их (если они были) ограничивались небольшими участками богары под зерновыми или поливной земли под люцерной.

Шестой тип хозяйства был особенно характерен для той части узбекских племен, которая с давних времен (задолго до переселения в Среднеазиатское междуречье золотоордынских кочевых узбеков на рубеже XV—XVI вв.) жила на рассматриваемой территории, — карлукам, группе племен, известной под общим именем «тюрок», и некоторым другим.

Продукты земледелия кочевники-скотоводы покупали на базаре или приобретали в обмен на продукты скотоводства у соседей или у горных таджиков, с которыми вступали в контакты во время летних перекочевков. Богатые скотоводы сбывали овец скотопромышленникам, приезжавшим из Гузара, Карши, Ургута, Ташкента и других мест.

Подсобные занятия их были в основном те же, что у полукочевого населения. Главным отхожим промыслом карлуков, тюрок и конгратов было чабанство, считавшееся во многих семьях почетным и потомственным занятием.

У носителей пятого и шестого типов хозяйства существовали тесные экономические связи не только с земледельческим населением, но и между собой. Это было обусловлено более или менее выраженной традиционной специализацией как в ведущей, так и во второстепенной отраслях хозяйства отдельных этнических групп. Например, лучших коней-купкаристов (тренированных для участия в купкари — конно-спортивной игре с тушей козла) предпочитали покупать у племени локай, а лучших баранов-производителей и собак-овчарок — у карлуков, тюрок и конгратов. Длинную и тонкую шерсть получали в обмен на муку и другие продукты у афганцев и арабов, перегонявших весной из Афганистана через южные районы Таджикистана своих баранов в Коканд для продажи.

Наблюдались некоторые различия и в характере изделий из шерсти производства отдельных этнических групп. Так, выработка разнообразных орнаментированных паласов, а также кошм с красочными узорами была характерна для потомков золотоордынских узбеков (локаев, конгратов, дурменов и др.); тюрки и карлуки, подобно оседлому населению, в основном ткали паласы несложного рисунка, главным образом полосатые, поэтому нарядные паласы они приобретали у первой группы, особенно у локаев, женщины которых славилась высоким качеством своих изделий. Ворсовые ковры и переметные сумки состоятельная часть всех групп узбеков приобретала у приамударьинских туркмен.

При описании традиционных экономических связей населения восточных бекств Бухарского ханства нельзя не отметить продукцию хозяйственной деятельности малочисленных групп

цыган. Одни из них занимались исключительно деревообделочным промыслом (изготовлением посуды, ложек и т. д.); другие — ворожкой, врачеванием, но еще и ювелирным делом; третьи — выращиванием и продажей табака, совмещая это занятие с мелочной торговлей. Разъезжая по кишлакам и кочевьям, они обменивали свои изделия на пшеницу, муку, овец, коз и другую продукцию.

Завершая краткую характеристику основных типов хозяйства, сложившихся в различных природных зонах Восточной Бухары, следует подчеркнуть, что наряду с узкой специализацией, характерной для некоторых типов товарного производства, наблюдалось стремление вести многоотраслевое хозяйство, не замыкаясь в рамках одного ландшафта. Стараясь как можно меньше покупать и как можно больше продавать, хозяин, вставший на путь предпринимательства, старался приобрести (арендовать, купить) земельные угодья в разных зонах и ландшафтах. Например, занимаясь виноградарством на нижнем ярусе гор, он имел еще богарные посевы на склонах, расположенных выше, а в долине, на пойменных землях, находившихся на значительном расстоянии от места его жительства и основного массива земель, арендовал участок для посева риса; при случае заводил скот и начинал заниматься отгонно-пастбищным скотоводством; прибегал помимо издолящины и к найму рабочей силы, а также к различным патриархальным формам эксплуатации, описание которых, однако, не входит в задачу данной статьи.

Изложенные выше полевые этнографические материалы свидетельствуют, что хозяйственная деятельность населения восточных бекств Бухарского ханства не была замкнута в рамках натурального хозяйства. Здесь издавна установилась своеобразная взаимодополняемость различных типов хозяйства. Присоединение Средней Азии к России способствовало углублению традиционной хозяйственной специализации или, наоборот, перестройке ее, а также росту товарности. Вместе с тем у читателя не должно создаваться впечатление о высоком уровне развития товарно-денежных отношений в Восточной Бухаре. В начале XX в. по сравнению с периодом, предшествовавшим присоединению Средней Азии к России, здесь значительно возросла купля-продажа на деньги, в городах и торговых селениях была прослойка мелких и крупных торговцев, но все же внутри небольших районов, а также между кочевым, полукочевым и оседлым населением наиболее распространенной формой торговли оставался натуральный обмен. Ю. И. Пославский подчеркивал, что народное хозяйство Таджикистана до революции являлось «натурально-меновым со значительной ролью наряду с натуральным обменом и разнообразных платежных отношений»³¹ и что «в этой стране примитивного, но своеобразного хозяйствования факторы зонального характера, обуславливающие

направление продукции, влияли и на торговые связи. В силу указанных причин междухозяйственный оборот Таджикистана отличался значительной косностью и постоянством организационных форм»³².

Таким же постоянством форм отличались и другие (помимо покупки и обмена) способы приобретения недостающих продуктов. Например, полукочевник или кочевник давал в аренду оседлому земледельцу быков на время пахоты или обмолота и получал за это в первом случае зерно, во втором — солому. В других случаях кочевник брал на выпас несколько голов скота земледельца и получал за свой труд нужные ему земледельческие продукты или помощь земледельца. Например, земледelec в период летнего кочевания скотовода присматривал за его посевами или хранил часть его домашнего имущества.

При торговых операциях процветали различные виды посредничества, важное место среди которых, как отмечалось, принадлежало институту «торгового друга», когда скотовод имел в базарном селении или городе «приятеля» (ошно), у которого накануне базарного дня размещал пригнанный для продажи скот. Горожанин помогал своему «приятелю» продать скот и приобрести нужные товары, ибо бесхитроственному степняку трудно было противостоять на базаре натиску прожженных маклеров и торговцев. Расчеты между «приятелями» имели форму взаимных услуг и «подарков». Обычно скотовод брал на выпас несколько голов скота горожанина, привозил ему мясо, масло, сыр, шерсть, соль.

Та же традиционность форм наблюдалась и в оплате наемных работников в сельском хозяйстве, включая сельское ремесло. Оплата производилась в основном натурой: чабан получал овец, табунщик — жеребят, стригаль — шерсть, жнец — зерно, за изготовление кузнецом необходимых орудий и утвари земледелец расплачивался продуктами земледелия, скотовод — скотом, шерстью и другими продуктами скотоводства, ткач обычно получал часть ткани, сотканной им из пряжи заказчика, и т. д.

Все это опять же свидетельствует о глубокой традиционности исторически сложившихся в восточных бекствах Бухарского ханства форм хозяйствования и экономических связей. Иначе и не могло быть: хозяйственные и торговые связи основной массы населения в значительной степени замыкались внутри небольших исторически сложившихся экономических районов, каждый из которых включал в свои границы все или почти все представленные здесь природные зоны и хозяйственные типы. В центре такого района, в оазисе, который одновременно был и местом стыка степи и гор, располагался город, центр ремесла и торговли. Вместе с тем функционировали, как указывалось, и интерлокальные связи, включавшие Восточную Бухару в мировой хозяйственный оборот³³.

¹ Ю. И. Пославский. Экономический очерк Таджикистана.—Таджикистан. Сборник статей. Таш., 1925, с. 179—241; В. С. Батраков. Особенности развития сельского хозяйства Бухарского ханства с половины XVIII до 70-х гг. XIX века.—Труды Ташкентского гос. университета. Вып. 193. Таш., 1962, с. 154—184.

² См.: А. К. Писарчик. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 года.—Изв. Таджикского филиала АН СССР. 1949, № 15, с. 89; А. К. Писарчик и Б. Х. Кармышева. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области.—Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР. 1953, № 3, с. 89—92; И. Хидоят. О характере сельского хозяйства многонациональных районов Сурхандарьинской области в дореволюционное время.—Советская этнография. 1970, № 2, с. 133—139.

³ К. Ш. Шаниязов. Узбеки-карлуки (Историко-этнографический очерк). Таш., 1964, с. 45—86; Н. Г. Борозна. Социалистические преобразования в хозяйстве и быте узбеков-дурменов в долине Кафирнигана и Бабатагских гор. Автореф. канд. дис. М., 1966, с. 8, 9.

⁴ Б. Х. Кармышева. Узбеки-локайцы южного Таджикистана. Вып. 1. Историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период.—Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Т. 28. Сталинабад, 1954, с. 43—51 и др.

⁵ Б. Х. Кармышева. К истории формирования населения южных районов Узбекистана и Таджикистана.—Советская этнография. 1964, № 6, с. 98—100.

⁶ Б. И. Искандаров. О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX—XX вв.—Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Т. 83. Сталинабад. 1958; История таджикского народа. Т. 2. Кн. 2. М., 1964, с. 82—83, 92—97, 100—101.

⁷ М. Хамраев. Очерки истории хисарского бекства конца XIX и начала XX вв.—Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Т. 114. Сталинабад, 1959, с. 42—47; Ш. Юсупов. Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX — начале XX века.—Труды Института истории АН ТаджССР. Т. 41, Душ., 1964, с. 46—55, 64—82; он же. Вахшская долина накануне установления Советской власти. Душ., 1975, с. 27—54, 69—72, 76—89.

⁸ Вопрос о тесной хозяйственной связи оседлого, земледельческого и кочевого, скотоводческого населения, о взаимной обусловленности их хозяйства специально рассматривается в ряде работ В. С. Батракова: Особенности развития сельского хозяйства Бухарского ханства...; О разделении труда между кочевыми и оседлыми районами (Труды Среднеазиатского гос. университета). Нов. сер. Вып. 75. Экономические науки. Кн. 1. Таш., 1955; Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины в период Кокандского ханства (Труды Среднеазиатского гос. университета). Нов. сер. Вып. 62. Гуманитарные науки. Кн. 8. История. Таш., 1955; Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем (Таш., 1958).

В. С. Батраков усматривает в этом «экономическом симбиозе» двух типов хозяйства проявление общественного разделения труда, считающегося основоположниками марксизма самой характерной чертой экономики Востока (В. С. Батраков. Отгонное животноводство и пастбищный вопрос в Ферганской долине.—Труды Института экономики АН УзССР. Вып. 1. Таш., 1947, с. 64).

⁹ Об этническом составе населения восточных бекств Бухарского ханства в начале XX в. см.: Б. Х. Кармышева. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976.

¹⁰ За основу принята классификация Ю. Г. Саушкина (Ю. Г. Саушкин. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности в различных районах Советского Союза. М., 1947, с. 15—16) и Б. В. Андрианова [см. карту «Хозяйственные типы Средней Азии и Казахстана (19 в.)», приложенную ко второму полутому книги «Народы Средней Азии и Казахстана» (М., 1963)].

¹¹ Характеристику местных типов скотоводства см.: Б. Х. Кармышева. Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX — начало XX в.).—Советская этнография. 1969, № 3, с. 45—49.

¹² Вплоть до конца XIX в. в Восточной Бухаре возделывалась исключительно гуза. Американские сорта стали распространяться только в начале XX в. (Ш. Юсупов. Вахшская долина накануне установления Советской власти, с. 31—42).

¹³ Н. Г. Маллицкий. Учебное пособие по географии Таджикистана. Ташкент—Самарканд, 1929, с. 125; Ш. Юсупов. Очерки истории Кулябского бекства..., с. 67, 68.

¹⁴ Н. Г. Маллицкий. Учебное пособие по географии Таджикистана, с. 125.

¹⁵ На общинных землях был принудительный севооборот, в который огородные культуры не входили.

¹⁶ И. Хидоят. О характере сельского хозяйства..., с. 138; полевые материалы автора.

¹⁷ А. К. Писарчик и Б. Х. Кармышева. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области, с. 91; полевые материалы автора.

¹⁸ А. К. Писарчик и Б. Х. Кармышева. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области, с. 91; Е. М. Пещерева. Гонимое производство Средней Азии.—Труды Института этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. 42. М.—Л., 1959, с. 17—20 и сл.; Р. Л. Неменова. Сложение таджикского населения Варзоба.—Советская этнография. 1969, № 5, с. 41, 42.

¹⁹ Б. Х. Кармышева. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана, с. 83—85.

²⁰ Н. А. Маев. Очерки Гиссарского края.—Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 5. СПб., 1879, с. 154, 155; полевые материалы автора.

²¹ Описание перевалов см.: В. И. Липский. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию. Ч. 1. Гиссарская экспедиция. 1896. СПб., 1902, с. 82—88.

²² Описание видов изделий и технологии производства деревообделочного промысла горных таджиков см.: Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 1. Душ., 1966, с. 260—290.

²³ См. там же, с. 291—308.

²⁴ Характеристика овцеводства и коневодства полукочевых узбеков см.: Б. Х. Кармышева. Узбеки-локайцы южного Таджикистана. Вып. 1..., с. 55—118.

²⁵ В. М. Плоских. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977, с. 236; М. Аннанепесов. Хозяйство туркмен в XVIII—XIX вв. Аш., 1972, с. 239.

²⁶ Езовых лошадей кормили в основном ячменем, смешанным с мелкой соломой.

²⁷ Б. Х. Кармышева. Узбеки-локайцы южного Таджикистана. Вып. 1..., с. 44—50.

²⁸ Там же, с. 50.

²⁹ В. С. Батраков. Особенности развития сельского хозяйства Бухарского ханства..., с. 164.

³⁰ Б. Х. Кармышева. Узбеки-локайцы южного Таджикистана. Вып. 1..., с. 104—113.

³¹ Ю. И. Пославский. Экономический очерк Таджикистана, с. 228.

³² Там же, с. 236.

³³ Там же, с. 228.